

ного, весьма близкого к истине, толкования первых издателей и усматривать картину утра там, где на самом деле изображался вечер? Ответ прост: следующая за этим отрывком фраза: «Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чги, а Князю славы» большинством исследователей и переводчиков была понята, как описание построения русских полков к бою. Так как битва, вернее, грабеж Половецких веж произошел утром, очевидно, что и выстраиваться к бою русские войска могли также только утром. Но если фраза: «Русичи великая поля... Князю славы» — относится к утру, то предположение, что слова: «Длѣго ночь мркнетъ... говорѣ галичь убуди(ся)» — описывают вечер, вносит в ход всего повествования разрыв: между словами: «...говорѣ галичь убуди(ся)», чем оканчивается картина вечера, и словами: «Русичи великая поля...», относящимися уже к утру, получается пустое место, и вся последняя фраза виснет как бы в воздухе, так как дальнейшее изложение: «Съ заранія въ пяткѣ потопташа поганыя плѣкы Половецкыя...» к предшествующей ему фразе: «Русичи великая поля... Князю славы» — прямого отношения, по сути дела, не имеет. Заполнить этот разрыв и поставить все отдельные части нашего отрывка в связь друг с другом, исходя из убеждения, что заключительная его часть относится к столкновению с Половцами утром в пятницу, и было тем побудительным стимулом, который заставлял исследователей во что бы то ни стало искать признаков утра там, где описывался вечер. Однако, поскольку слова: «Длѣго ночь мркнетъ... говорѣ галичь убуди(ся)» — относятся к вечеру, и все попытки представить их как изображение утра ни к чему, кроме как к искажению прямого смысла слов и к порче текста не приводили, совершенно ясно, что обычное толкование слов: «Русичи великая поля... Князю славы» нуждается в серьезной проверке и прежде всего в критическом сопоставлении с теми данными, какие имеются в летописи.

Заключительная часть разбираемого отрывка обычно либо оставалась без перевода и комментариев, либо понималась так, как то было еще объяснено Шишковым. Согласно этому объяснению слова: «Русичи великая поля... Князю славы» обозначают, что «Россіяне, простиершись по широкому полю, въ молчаніи грядуть, и, какъ стѣну твердую, щиты свои несутъ передъ собою. Въ душахъ ихъ мужество, въ умахъ ихъ честь и слава.»¹ Развивая эту картину дальше, Майков счел возможным утверждать, что выражение «поля прегородиша» значит — «раздѣлили, разрѣзали поля на двѣ части, направо и налево, растянувшись по полю красною полосой —

¹ А. Шишков. Собр. сочинений и переводов, т. VII. СПб., 1826, стр. 130.